

УДК 82.0

Павлищева Я. А.,
кандидат филологических наук,
Национальный юридический университет
имени Ярослава Мудрого (Харьков)

КОНФИГУРАЦИИ ГЕНДЕРНЫХ ДИСКУРСОВ В РАССКАЗАХ С. МОЗМА

Творчество выдающего и самобытного английского писателя У. С. Моэма представляет собой широкое и неоднородное поле для исследования. Создавая свои произведения в эпоху модернизма, период возникновения множества новых художественных направлений, в переломный момент в истории Западной Европы, У. С. Моэм остаётся верным традициям реалистического письма с одной стороны, но в то же время проникается умонастроениями модернистского толка. Из этого сплава формируется мозмовский художественный стиль и оригинальная мировоззренческая система. Часть исследователей относят произведения С. Моэма к жанру массовой литературы, апеллируя к внешней простоте и «развлекательности» его прозы. Однако за видимой простотой и доступностью мозмовских произведений стоит уникальная способность писателя глубоко видеть суть описываемых им образов и ситуаций, автор остаётся максимально беспристрастным наблюдателем реальности как она есть, не осуждая и не давая оценок героям и их поступкам. В рассказах и романах С. Моэма отсутствуют пространные рассуждения автора, попытки морализаторства или назидания, события как будто разворачиваются сами в их первоизданном виде. Отсюда и возникает впечатление описательности, поверхностности прозы С. Моэма. На наш взгляд, С. Моэм использует особую форму нарратива, предвосхищающую повествовательный стиль в постмодернистской литературе, когда писатель участвует в произведении как персонаж, однако отказывается от активного вмешательства в ход повествования как всезнающий автор. Он обнажает события в тексте как они есть (или были) и предоставляет читателю самостоятельно анализировать, делать выводы или же быть соучастниками изображаемой ситуации и испытывать свои эмоции без подсказки автора.

Однако критика его творчества как в зарубежном, так и в отечественном литературоведении пронизана противоречиями и разногласиями. Оценки произведений С. Моэма зачастую являются полярными – от восторженных отзывов об оригинальности его стиля, проницательности писателя, высокой художественной ценности его работ (В. Скороденко, Т. Кириллова, И. Трикозенко), до низведения его к ряду посредственных авторов развлекательного жанрамассовой литературы (Э. Уилсон, Ф. Холден, М. К. Найк). При этом среди работ украинских критиков творчества С. Моэма трудно отметить исчерпывающее и всестороннее исследование. Эти работы носят в основном обзорный, общий характер. Наиболее объективный анализ творчества У. С. Моэма дан в работах зарубежных исследователей Дж. Уэскотта, Э. Кертиса, Р. Олдингтона. В украинском литературоведении весомый вклад в изучение творческого наследия С. Моэма был внесён Р. Чорний и О. Вержанской.

Несмотря на широкую популярность произведений У. С. Моэма и множество теоретических работ, посвящённых исследованию художественного мира писателя, многие аспекты моэмовского творчества остались за пределами научного анализа. В частности, малоизученным сегментом является гендерный дискурс произведений С. Моэма: этого вопроса касались некоторые зарубежные исследователи, однако в отечественном литературоведении работы такого рода отсутствуют. На наш взгляд, изучение гендерного аспекта в художественном мире С. Моэма является актуальной проблемой, поскольку в моэмовской прозе представлена широкая и разнообразная галерея женских и мужских образов, автор мастерски раскрывает типичные для западноевропейской картины мира “женские” и “мужские” характеры.

Цель данной статьи – анализ конфигураций гендерного дискурса в малой прозе У. С. Моэма (на материале рассказов “The Rain”, “The Lion’s Skin”, “Man With a Conscience”). Для достижения этой цели выдвигаются следующие задачи: 1) изучить основные характеристики женского дискурса в рассказах С. Моэма; 2) исследовать гендерные особенности в мужском дискурсе; 3) проанализировать общую гендерную картину мира, сопоставляя женский и мужской дискурсы.

Как уже упоминалось выше, У. С. Моэм является писателем беспристрастным, автором, который избегает оценочных суждений и нравочений в своих текстах, он выступает скорее наблюдателем, нежели наставником читателя. Такой же манеры в нарративе писатель придерживается раскрывая женские и мужские образы: он лишён сексистского взгляда в вопросах гендера, не ставит читателя перед задачей сравнить и отдать предпочтение в своей оценке тому или иному полу. Однако, оставаясь максимально объективным в изображаемых сюжетах, С. Моэм непредвзято отражает традиционную картину мира его эпохи (точнее, викторианской эпохи, которая длительное время царила в Англии), в которой женский и мужской дискурсы имели чётко очерченные границы и конфигурации. Несмотря на то, что исследуемые нами рассказы У. С. Моэма созданы в поствикторианский период, гендерный дискурс в них обусловлен пуританской моралью, которая в свою очередь устанавливает жёсткие рамки “женского” и “мужского” как в социальном, экономическом аспекте, так и на психо-эмоциональном уровне.

В психологическом аспекте для женского дискурса рассказов С. Моэма характерно преобладание эмоциональной сферы над рациональной; женщина у С. Моэма руководствуется в своих убеждениях не логическими доводами, а страстностью и иррациональным желанием быть правой, во что бы то ни стало убедить. “Mrs. Davidson scanned his face. She had a dramatic eagerness to see that she had achieved the desired effect” [2, 8]. “Mrs. Macphail shuddered. There was something positively alarming in the triumphant assurance of the little woman’s manner” [2, 36].

Женский дискурс изобилует эпитетами и метафорами, выражающими прежде всего эмоциональное состояние и отношение к действительности. С таким же чувственным пылом женщина рассуждает и о вопросах морали, особенно если передаётся дискурс женщины среднего класса, как, например, миссис Дэвидсон в рассказе “Дождь”. Будучи истой пуританкой, она находится в жёстких рамках своей роли благопристойной особы, преданной мужу, религии и страстно

осуждающей женщин лёгкого поведения. “Can you wonder that when we first went there our hearts sank? You’ll hardly believe me when I tell you it was impossible to find a single good girl in any of the villages” [2, 8].

Отрицая чувственное, плотское, с одной стороны, клеймя эту часть человеческого существа “аморальным”, тем не менее, переполненная страстями, благочестивая женщина (как миссис Дэвидсон или Элеонор Форестьер в рассказе “В Львиной шкуре”) реализует их в порицании всего непристойного, либо в преданном служении мужу и семье. “I must say I agree with Mr. Davidson, who says he can’t understand how a husband can stand by and see his wife in another man’s arms, and as far as I’m concerned I’ve never danced a step since I married. But the native dancing is quite another matter. It’s not only immoral in itself, but it distinctly leads to immorality” [2, 9]. “Mrs. Macphail was shy, but she was in the habit of doing what her husband bade her” [2, 29]. “When he is on the Lord’s work I never ask him questions” [2, 41].

Женский дискурс наряду с повышенной эмоциональностью характеризуется также прагматизмом и утилитаризмом. В большинстве произведений С. Мозма женщина практична, расчётлива и корыстна, она стремится извлечь максимальную выгоду из отношений с мужчиной (поэтому главной ценностью или даже целью в жизни для многих мозмовских героинь является брак). Женщина в художественном мире С. Мозма преданно служит мужчине только в том случае, если видит в этом выгоды для себя стороны, как, например, в рассказе “Человек с совестью”. “He knew what she was thinking. What would have been her position now if she had followed Riri to Indo-China and found herself at twenty-one a widow with nothing but her own two hundred thousand francs to live on? It was a lucky escape and she congratulated herself on her good sense. Jean was a husband of whom she could be proud. He was earning good money” [2, 335]. Женское корыстолюбие проявляется не только в стремлении к материальным ценностям, которые может дать мужчина – это также эмоциональный выигрыш, когда женщина, всячески потакая мужчине, ждёт от него ответной реакции, или же лелеет чувство собственной значимости и благородства, как в рассказе “В Львиной шкуре”. ““Of course he has his whims and fancies”, she said, “but I think it’s only loyal on my part to defer to them”” [2, 146].

Феминный дискурс мозмовских рассказов формирует также и такая существенная составляющая викторианской картины мира, как стремление к максимальной сдержанности в плане проявления женственности и женской сексуальности. Однако отказ от своей природной сути компенсируется у мозмовских героинь резким осуждением этого свойства у тех женщин, которые осмеливаются открыто заявлять о нём, будь то форма поведения или одежда. Поэтому вполне “естественно” высказывания женских персонажей С. Мозма так насыщены негативными оценками внешнего вида других представительниц этого пола. “I don’t think she’s very suitably dressed, I must say”, said Mrs. Macphail. “She looks extremely common to me” [2, 28]. “Her great white hat with its vulgar, showy flowers was an affront. She called out cheerily to them as she went by, and a couple of American sailors who were standing there grinned as the ladies set their faces to an icy stare”. “I guess she’ll get her fine

clothes spoil”, said Mrs. Davidson with a bitter sneer [2, 37]. “Men like clinging silks and soft, fluffy sings... and I was at such a disadvantage in my nurse’s uniform” [2, 138].

Мужской дискурс в психоземоциональном плане также коррелирует с викторианской картиной мира. Мужчина в мюзомской прозе – носитель рационального; он – создатель и преобразователь, воплощает активное начало, его предназначение – менять мир и окультуривать дикое, хаотичное (которое воплощено в силах природы и женщине). В маскулинном дискурсе в рассказах С. Мозма проявлена также активная, волевая сторона человека. Как и женщине, мужчине эмоции не чужды, однако он всегда контролирует и даже подавляет их, ибо открытое проявление эмоций унижает его. Воплощением такого мужского образа является миссионер мистер Дэвидсон в рассказе “Дождь”. Это человек, для которого служение своему долгу – в приоритете, а всё, что становится препятствием на этом пути, безжалостно уничтожается. Такому мужчине не свойственны мягкость, лояльность и толерантность к окружающим людям и их слабостям, он решителен и бескомпромиссен ко всем и всему, что выходит за рамки его “должно”. ““You know Mr. Davidson very little if you think the fear of personal danger can stop him in the performance of his duty”, said his wife” [2, 34]. Однако автор пронизательно изображает и обратную сторону этих мужских качеств, которые становятся причиной не только душевных терзаний героя, но и его гибели. Есть некоторая доля трагичной иронии и гротеска в образе мистера Дэвидсона, который, на наш взгляд, является квинтэссенцией мужчины викторианской эпохи. “I expect to have my work cut out for me. I shall act and I shall act promptly. If the tree is rotten it shall be cut down and cast into the flames” [2, 20]. Мистер Дэвидсон фанатично следует своей миссии проповедника и духовного наставника, всеми правдами и неправдами он готов искоренять всё аморальное и непристойное, даже если на кону – жизнь другого человека. “I’d beg him not to go sometimes”, she said, “or at least to wait till the weather was more settled, but he’d never listen. He’s obstinate, and when he’s once made up his mind, nothing can move him” [2, 22]. “In two years he was a ruined man. He’d lost everything he’d saved in a quarter of a century. I broke him, and at last he was forced to come to me like a beggar and beseech me to give him a passage back to Sydney” [2, 26].

Дискурс “истинного джентльмена” обыгрывается С. Мозмом и в рассказе “В ливниной шкуре”, в котором главный герой мистер Форестьер, по происхождению не являясь благородным человеком, всю свою жизнь нацеливает на достижение этого статуса. Двойственность и комичность этого персонажа заключается в том, что, не будучи “истинным джентльменом”, но отлично владея этим дискурсом, ему удаётся реализовать свою цель, женившись на состоятельной женщине. В искажённом, гипертрофированном виде Форестьер также, как и Дэвидсон, является воплощением маскулинного дискурса викторианской эпохи, обладая всеми “необходимыми” характерными особенностями: добропорядочность, высокая нравственность, благородство, честность, служение долгу, обратной стороной которых оказываются снобизм, лицемерие, подлость, корыстолюбие и расчётливость. “He’s a man of complete integrity... and if sometimes he seems a little intolerant you

must always remember that he never asksof others what he isn't prepared to do himself. After all, one can't help admiring a man whose principles are so high and who's prepared to stick to them at any cost" [2, 147].

Вышеперечисленные качества, которые раскрываются в дискурсе “джентльмена”, доведены до абсурда в рассказе “Человек с совестью”, когда кодекс благородного человека, которого строго придерживается главный герой, доводит его до убийства. Когда Жан Шарвен обнаруживает в своём поведении ряд поступков, которые кардинально противоречат предписаниям джентльмена, он глубоко раскаивается и мучается угрызениями совести, считая себя виноватым в трагической судьбе своего друга. Однако абсурдность ситуации Шарвена усугубляется тем, что, оставаясь верным образу благородного мужчины и друга, он сожалеет не о настоящем своём преступлении – убийстве жены, а о том, что не смог соблюсти джентльменский кодекс. “I shall never forgive myself”, he thought. “I shall never be happy again. Oh, what a fool I was, and what a cad. He wept for Riri. Marie-Louise sought to comfort him. She was a kind little thing and she loved him” [2, 334]. “Jean was tortured by remorse... The anguish that the recollection of his treachery caused him was worse than a physical pain gnawing at his vitals” [2, 335].

Общая гендерная конфигурация наиболее отчётливо вырисовывается при рассмотрении взаимодействия в тексте женского и мужского дискурсов. Гендерная картина мира в рассказах С. Моэма центрируется на мужчине, женщина же находится на периферии и в полной зависимости от мужчины. Его задача по отношению к женщине – структурировать беспорядочное в ней, обуздать эмоциональное, иррациональное, а, следовательно, разрушительное, и направлять в безопасное социальное, семейное русло. Женщина же, в свою очередь, предназначена выполнять роль преданной спутницы мужчины, создавать для него максимально комфортные условия существования, служить ему и во всём потакать. Образцом такой женщины является персонаж из рассказа “Дождь” миссис Дэвидсон, жена миссионера. “Sometimes Mrs. Davidson and I would look at one another and the tears would stream down our cheeks. We worked without ceasing, day and night, and we seemed to make no progress. I don't know what I should have done without her then. When I felt my heart sink, when I was very near despair, she gave me courage and hope” [2, 23].

В гендерном отношении мир в прозе С. Моэма строго регламентирован и иерархизирован. Если же установленный порядок нарушается, нарушителя либо третируют и пытаются вернуть в прежние рамки, либо он становится аутсайдером. Чаще всего таким персонажем становится женщина, что лишь подтверждает её периферийность относительно мужчины, некоторое отклонение от “нормы”. Такая гендерная конфигурация становится основной сюжетной линией рассказа “Дождь” и воплощается в образах миссионера Дэвидсона и куртизанки мисс Томпсон. “She was like a victim that was being prepared for the savage rites of a bloody idolatry. Her terror numbed her. She could not bear to let Davidson out of her sight; it was only when he was with her that she had courage, and she hung upon him with a slavish dependence” [2, 67].

Однако стереотипный образ благородного джентльмена, который долгое время культивировался викторианской эпохой, у С. Моэма уже обыгрывается в иронических тонах. Писатель переосмысливает это “благородство” и ставит под сомнение такую социальную установку: ведь за видимой благопристойностью, жёсткой непреклонностью, желанием “наставить на путь истинный” и “избавить от греха” заблудшую душу женщины может скрываться собственная слабость мужчины, нежелание признавать свою чувственность и страх оказаться эмоционально зависимым от женщины. “It’s my duty to see her. I won’t act till I’ve given her every chance”. “You don’t know what she is. She’ll insult you”. “Let her insult me. Let her spit on me. She has an immortal soul, and I must do all that is in my power to save it” [2, 38].

Женские образы в рассказах С. Моэма также претерпевают трансформации и выходят за рамки викторианского гендерного дискурса. Несмотря на некоторую второстепенность по отношению к мужчине, зависимость от него и несамостоятельность, моэмовские героини далеки от воплощения невинности и наивности. Здесь в феминном дискурсе наряду с “традиционными” женскими качествами (как например, в образе миссис Дэвидсон в рассказе “Дождь”) начинают проявлять себя характеристики, женщинам “не свойственные по природе”: зачастую прагматизм и расчёт преобладают над эмоциями, последние же нередко служат манипулятивным средством в отношениях с мужчинами, которые, в свою очередь, становятся жертвами женской расчётливости (например, миссис Форестьер в рассказе “В львиной шкуре” или Мари-Луиза в “Человеке с совестью”).

Подводя итоги нашего исследования гендерных конфигураций в малой прозе У. С. Моэма, можно выделить такие основные положения: гендерный дискурс в моэмовских рассказах обусловлен викторианской картиной мира, в которой роли мужчины и женщины строго регламентированы и иерархизированы как в психоэмоциональном, так и в социальном аспектах. Мужчина является центром и точкой отсчёта, носителем рационального, активного и созидательного, он структурирует мир и искореняет хаос. Воплощением такого мужчины у С. Моэма становится “благородный джентльмен”, человек чести, строго соблюдающий свой джентльменский кодекс поведения. Женщина соотносится с мужчиной, она всегда второстепенна и периферийна, более того, её положение в этой строгой иерархии шатко, так как из-за присущей ей повышенной эмоциональности она часто выходит за рамки отведённой ей роли. Поэтому одной из ролей мужчины является окультуривание женщины, усмирение хаотичного в ней, а задача женщины – преданно служить мужчине, направлять все свои силы на заботу о нём и своей семье. Однако У. С. Моэм, изображая женско-мужской дискурс викторианской картины мира, переосмысливает его и показывает изнанку, когда мужчина и женщина меняются ролями, да и сами их прежние роли трансформируются и даже искажаются. Так, писатель доводит до абсурда образ “благородного джентльмена” и раскрывает такие несвойственные ему стороны, как снобизм, корыстолюбие, глупость, лицемерие, подлость, расчёт, жестокость и непреклонность. Женский дискурс претерпевает аналогичные трансформации: наряду с эмоциональностью и инфантильностью

возникают жёсткий прагматизм, рациональный расчёт, манипуляции по отношению к мужчинам.

Литература

1. Вержанська О. Етичні та естетичні погляди У. С. Моема у контексті масової культури : автореф. ... дис. к. філософ. н. / О. Вержанська. – Харків, 2006. – 20 с.
2. Моэм С. Рассказы: Книга для чтения на английском языке / С. Моэм. – СПб. : КАРО, 2008. – 448 с.
3. Моэм С. Рассказы / С. Моэм ; [пер. с англ.]. – М. : Правда, 1979. – 527 с.
4. Моэм С. Узорный покров. Острие бритвы : [романы] / С. Моэм ; [пер. с англ.]. – М. : Радуга, 1991. – 432 с.
5. Трикозенко И. Художественная проза С. Моэма в контексте английской литературы XIX – начала XX века (Слагаемые успеха) : дис. ... к. филол. н. / И. Трикозенко. – М., 2003. – 181 с.
6. Хутыз Ф. Концепция художественной прозы Сомерсета Моэма в контексте основных теорий романа первой половины XX века в Великобритании : автореф. дисс. ... к. филол. н. / Ф. Хутыз. – Майкоп. – 2001. – 20 с.
7. Чорній Р. Творчість В. С. Моема в українській і російській рецепції і перекладах : автореф. дис. ... к. філол. н. / Р. Чорній. – Т., 2006. – 18 с.
8. Curtis A. The Pattern of Maugham. A critical portrait / A. Curtis. – N.Y., 1974. – 278 p.

Анотація

Стаття присвячена аналізу гендерних дискурсів та їх конфігурацій у малій прозі У. С. Моема. Автор досліджує характеристики чоловічого та жіночого дискурсів та їх співвідношення. Гендерна картина світу в розказах У. С. Моема "The Rain", "The Lion's Skin", "Man With a Conscience" корелює зі світоглядною системою вікторіанської епохи, центральне місце у ній займає чоловік, а жінка лише співвідноситься з ним, залежить від нього. Однак письменник переосмислює традиційні образи чоловіка та жінки і він зображує ті грані, що знаходяться за межами вікторіанського гендерного дискурсу. У дослідженні акцентуються та детально вивчаються трансформації гендерних характеристик жіночих та чоловічих образів моемовських розказів.

Ключові слова: гендер, дискурс, маскуліний, фемінний, гендерна картина світу.

Аннотация

Статья посвящена анализу гендерных конфигураций в малой прозе У. С. Моэма. Автор исследует характеристики мужского и женского дискурсов и их соотношение. Гендерная картина мира в рассказах У. С. Моэма "The Rain", "The Lion's Skin", "Man With a Conscience" обусловлена викторианским мировоззрением, центром которой является мужчина, женщина же соотносится с ним и зависима от него. Однако традиционные образы мужчины и женщины переосмысливаются писателем, и он изображает те грани, которые находятся за рамками викторианского гендерного дискурса. В исследовании акцентируются и детально изучаются трансформации гендерных характеристик женских и мужских образов моемовских рассказов.

Ключевые слова: гендер, дискурс, маскулинный, феминный, гендерная картина мира.

Summary

The literary heritage of the famous English writer W. Somerset Maugham is controversial but rich field for multilateral analysis. There are a lot of researches on the Maugham's works both in foreign and Ukrainian literary criticism, but the aspect of gender discourse is still not examined exhaustively. For reaching this aim the author has analyzed the peculiarities of the male and female discourses in the novels "The Rain", "The Lion's Skin" and "A Man with a Conscience". After that the features of each discourse have been compared and the common gender image of the world has been revealed. Gender image of the world is strictly regulated and hierarchical. If the established

order is broken, offender will be punished or returned to the former framework, or he/she turns outsider. Mostly such person is woman. But the image of man as well as woman is transformed in the Maugham's novels. The writer has rethought stereotypic image of the gentleman cultivated by the Victorian epoch – he exposes not only generosity, but also the weak sides of “gentleman”: snobbism, greed, stupidity, cruelty and inflexibility. As for woman, her gender characteristics change from higher emotionality and infantilism to rigid pragmatism, calculation, manipulation towards men.

Keywords: gender, discourse, male, female, gender image of the world.

УДК 821.161.2–97

Питюр О. В.,

аспірантка,

Київський університет імені Бориса Грінченка

ДИДАКТИЧНИЙ ПОТЕНЦІАЛ БОГОРОДИЦІ (НА МАТЕРІАЛІ ВАСИЛІАНСЬКИХ ТВОРІВ БАРОКОВОЇ ДОБИ)

Образ Богородиці у художній системі релігійних творів отців-василіян барокової доби має значний дидактичний потенціал. Збірники чудес, що розкривають шлях паломника до образу Найяснішої Панни, відзначаються подібною структурою, хронотопом, методами та прийомами здійснення емоційного та повчального впливу на читача. Покров Богородиці не лише захищає, її сонцесяйний образ повчає уважного читача відкривати серце і розум для спілкування із Пречистою. Так актуальною є проблема здійснення виховного впливу на читача, визначення дидактичного потенціалу Богородиці у текстах уніатських священників – отців-василіян, які на українському ґрунті витворили особливу традицію пошанування образу Богородиці у контексті барокової доби.

Основним теоретичним підґрунтям визначеної проблеми є праці отців церкви, зокрема Василія Великого та І. Дамаскіна. Останній у книзі “Три захисних слова на захист пошанування ікон” виділяє шестичленну структуру образів, одним із видів якого є дидактичний (повчальний) або мнемонічний (пригадувальний), які об'єднували перш за все мнемотичні образи [8, 50]. До них, І. Дамаскін, за твердженням В. Бичкова, відносить усі релігійні зображення (зорові та словесні). Серед функцій таких образів І. Дамаскін називає дидактично-інформативну, комеморативну, поклонну, що сприяє актуалізації та проявленню архетипу, закладеного у образі поклоніння та сприяє чуттєвому пізнанні законів світу. Зазначена категорія чуттєвості, на нашу думку, є дуже важливою, бо саме через міру чуттєвого осягнення світу (за допомогою зору, слуху, нюху, дотикових відчуттів) або навпаки обмеження такої можливості чудотворний образ Богородиці, що є об'єктом паломництва та поклоніння, реалізує свої численні функції. На повчальності барокових творів наголошує і Дм. Чижевський вказуючи, що “барокова повість часто тісно пов'язана із всеохопливим релігійним життям та подає певну “мораль” або ж – в окремих місцях – сентенції та цілі, моралізуючи чи філософуючи окремі оповідання” [12, 291].